ГЕОРГИЙ ЭРИСТОВ

ЛАДЬЯ

ПАРИЖ
1966

ГЕОРГИЙ ЭРИСТОВ

ЛАДЬЯ

третья книга стихов

(1956-1965)

ПАРИЖ

1966

Нет, моего к тебе пристрастья
Я скрыть не в силах, мать-Земля!

Ф. И. Тютчев.

СОЛНЦЕ ИТАЛИИ

РАВЕННА

Ты, как младенец, спишь Равенна
У сонной вечности в руках.
А. Блок.

1

О родине, о вечности, о храме
Равенна шепчет тихо целый день.
На фрески, в солнечной, янтарной раме,
Легла чудесная столетий тень.

Зеленый полумрак. Тяжка гробница —
Здесь Галлы вздох окаменел навек.
Перелистав прошедшего страницы,
Не поднимает время тяжких век.

Иду по улицам, их будто знаю...
Ночное небо — звездная купель...
Всех нас взростила, по дороге к раю,
Родная Византии колыбель!

2

БАЗИЛИКА S. APOLLINARE IN CLASSE

Нет, мне не грустно, но легко.
Вот храм и голуби у входа.
Хоть море скрылось далеко,
Я чую терпкий запах иода.

И даже небо здесь — мое!
Цветы, как будто бы степные,
И солнце весело поет
Мне песни звонкие, родные!

ПРОЕЗДОМ МИМО ГРАДАРА

Замок Паоло и Франчески.

Я не испил воды Градара,
Я не подслушал плач Франчески...
Мне поэтического дара
Хватает, чтоб глядеть: на всплески
Ручья, что весело журчит,
На неба яркие лучи...
Холмы веселые и рощи,
И солнце яркое в зените,
Мне говорят о жизни проще,
Протягивая в детство нити...
Смотри, как зелен каждый лист,
Как день прозрачен, свеж и чист!

УРБИНО

1. Дворец

О, как легки искусства узы!
Не давит мрамор и металл.
Здесь кондотьер, любовник музы,
О славе бранной не мечтал...

Коснулся гений Боттичелли
Разных дверей и потолка...
И зов пастушеской свирели
Доносится издалека.

Квадрат окна — под синей дымкой
Долины Умбрии и ель,
А небо красит невидимкой
Кудрявый мальчик — Рафаель.

2. ПАОЛО УЧЕЛЛО

Картина: “Профанация причастия”.

Ты посмел, художник дерзкий,
Начертать виденье ада,
Люцифера профиль резкий,
Профанацию обряда...

Все на фоне перспективы,
Где: холмы, долины, пашни,
Серебристые оливы,
Замка зубчатые башни...

И застыли кавалеры,
Дамы в пышных одеяньях...
Сколько яркой, чистой веры,
Сколько жизни и страданья!

ПЕРУДЖА

Где вечность провела свою черту,
Не итальянец ты, не русский,
Но человек влюбленный в красоту,
Предел перешагнувший узкий.

Был век другой (он не вернется вновь!),
Когда под солнцем Возрожденья,
Сплетались жизнь, искусство и любовь
В едином помысле творенья.

По улицам кривым я шел один
И ночь шептала мне с насмешкой —
Ты — только запоздалый паладин,
Замедли шаг, к чему такая спешка!

АССИЗИ —

в гостях у Св. Франциска.

Синее небо над нами.
Солнце над тихой рекой.
Лес, убаюканный снами.
Умбрии светлый покой.

Видел под фресками Джотто
В пышной базилике гроб.
Нет! мне нашептывал кто-то,
Встреча у каменных троп!

Воздух прозрачен у грота.
Птиц несмолкаемый хор...
В сердце спустилась дремота —
Тень окружающих гор.

Ласково старец Зосима
Исповедь прниял мою...
Белое облако мимо
Плыло в отчизну свою.

СИЕНА

Спустился тихо синий вечер.
Студент спешил к своей подруге.
И ветер пел об этой встрече,
О вечном, сладостном недуге.

Дворцы шептались меж собою,
О славе громкой вспоминая...
А в небе Ангела с трубою
Тень пролетала неземная.

Кисть Пинтурриккио в капелле
Запечатлела стены, своды...
О жизни яркой краски пели,
Вспять поворачивая годы.

О прошлом грезила Сиена,
Ей снились гвельфы, гибеллины...
А рядом — фабрики, арена,
Бензин, моторы и машины...

ПИЗА

Собора мраморные ризы.
Тосканы небо. Легкий зной.
Зловещий символ — башня Пизы
Склонилась тяжко надо мной.

Не так ли ты скользишь Европа
«У самой бездны, на краю»?
И в реве близкого потопа
Я гибель чувствую твою.

В таверне, над водой, прохладно,
Бормочет Арно мутный вал.
На площади Чудес отрадно
Остановится на привал!

Мадона сжалится быть может —
Убережет веселый край,
И заодно, тебе поможет
Увидеть светлый, Божий рай!

ТОСКАНА

Я расстаюсь с тобой Тоскана,
Увы, всему — предел и мера!
Но мне, как музыка органа
Сан-Джиминиано и Волтерра.

Ныряют золотые тучи
В недосягаемом просторе,
И легкий аромат летучий
Мне говорит, что близко море...

АКВИЛЕЯ

Ты дремлешь, позабыв о славе,
Вдали от моря Аквилея.
Века, подобно тяжкой лаве,
Лежат, твой тихий вздох лелея.

Но беженцы твоей лагуны
Под знаменем Святого Марка,
Где прежде зверствовали гунны,
Блистали подвигами ярко.

Здесь, где прошел с мечом Бич Божий,
Теперь — лишь нежный звон гитары,
И замедляет шаг прохожий,
Внимая песням юной пары.

БРЕНТА

«Адриатические волны,
О, Брента» — я увидел Вас!
И вот, очарованьем полный,
Плыву я в предзакатный час.

Вдоль берегов, в зеленой чаще,
Дворцы Палладия молчат,
Но сердце бьется чаще, чаще,
О милом прошлом мне шепча.

Река тиха, спокойна, мшиста.
Мне мнится ждет на берегу
Кудрявый профиль лицеиста...
Навстречу я к нему бегу...

НЕАПОЛЬ

1

Здесь день подобен янтарю.
Везувий спит и не дымится.
И песнь в слепящую зарю
Летит, как сказочная птица.

Под солнцем — нищета и лень
Одеты в светлые одежды,
И не грозит заботы тень,
Смеются мудрые невежды.

Всегда сегодня, завтра нет.
Вот день прошел и слава Богу!
Открыт пред человеком свет,
В нем можно отыскать дорогу.

В заливе синяя вода,
Глухие пароходов зовы.
О, милый город, ты труда
Не знаешь тяжкие оковы!

2

ЗАМОК МАСКИО АНЖОИНО

Его воздвиг Анжуйский дом,
Как некий символ для народа.
В уборе сторожит седом
Вратарь у башенного входа.

Подняв, как мускулистый муж,
Могучие под небо плечи,
Не видит замок грязных луж,
Но слушает людские речи.

Доволен он — его сыны
Поныне полны бурной кровью,
Греховные им снятся сны
И их сердца горят любовью.

ДОМ ВЕТТИ — ПОМПЕЯ

Какие краски на стенах!
Века, как будто бы застыли...
О, девушка с цветами, ты ли
В моих являлась грешных снах?

Пытался я спасти тебя,
Бегущую от жгучей лавы...
Мы кубок выпили отравы,
Страдая вместе и любя...

А рядом, дама зрелых лет
Настаивала по-английски:
Открыть ей без стыда и риска
В углу завешенный портрет.

АМАЛЬФИТАНА

Море спорит с небесами,
Кто синее и блестяще?
Сердце полно голосами
Птиц, поющих в яркой чаще.

Под обрывом гул прибоя,
А на скалах олеандры.
И машина, глухо воя,
Пробегает грот Кассандры.

Вот Амальфи, Позитано —
Сколько красок и движенья!
А в душе легко и странно —
Жду тебя без нетерпенья.

КАПРИ

Здесь богиня пролетая,
Уронила жемчуг в море.
И всплыла скала крутая
Радостью полна и горем.

У Свентония найдете,
Что Тиберий и эфебы
Во дворце, как в темном гроте,
С магами свершали требы.

А теперь, полунагие,
С мускулистыми телами,
Ходят юноши другие,
Жадно рыская глазами...

Красоту нельзя обидеть.
Запах ветра, пляж лазурный,
Вновь хочу тебя увидеть
Остров нежный, остров бурный!

САРДИНИЯ

1

Санта Тереза ди Галлура

Четыре краски здесь Господь смешал,
От зелени до темного сапфира.
О скалы разбиваясь, синий вал
Поет, звеня, как радостная лира.

Обрыв крутой и пенится вода.
Смотрю на небо с башни генуэзской.
Тут в вечности скрываются года,
И с моря дует бурный ветер резкий.

Чернеют улицы. Седая тень.
Играют бронзовые ребятишки...
Все это видел я в далекий день,
В какой-то старой, пожелтевшей книжке.

2

Баррумини («Нураги»)

Подобны Сфинксам крепости-нураги.
Кто их воздвиг — потомки ль Атлантиды?
Молчат пески и бурые овраги,
В смущении всезнающие гиды...

Нураги, их слегка коснулось время.
На них глядел с томленьем и тревогой —
Быть может здесь загадочное племя
Тысячелетней шло дорогой.

3

Альгеро

Играют фиолетовые волны.
На пляже нежный, золотой песок.
И бор, сосновым ароматом полный,
Шумит, зачуяв теплый ветерок.

Гостиница тиха. Но кто-то свыше
Меня нездешним увлекает сном,
А берег, яркими шелками вышит,
Мне говорит о счастии земном...

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

ЛИГЕЯ

Так ограничены пределы света,
И шар земной нам замкнутая клеть.
Ах, почему до Марса нет билета
В экспрессе межпланетном полететь!

Лететь года к созвездью Андромеды,
Чудовищных симфоний слышать зов,
Вкусить плоды таинственной победы —
Младенчества невероятных снов!

Быть может, на затерянной планете
Лигея распахнет навстречу дверь,
И радостны, как маленькие дети,
Шепнем — рассудку никогда не верь!

Деревья будут петь, листвой играя,
Два солнца будут освещать нам дни,
И вновь увижу я дорогу к раю
И безпредельные огни!

ПСИХЕЯ

Она пришла и мне сказала —
У кассы этого вокзала
Ты тело ветхое забудь!
Кругом уроды и калеки,
Приподнимая тяжко веки,
Смеясь указывали путь.

Звонили в колокол протяжно.
Был вечер сумрачный и влажный.
И кто-то требовал вина...
Вдруг солнце вспыхнуло у моря,
И я решил уйти, не споря,
Туда, где ждет меня она!

И, прорезая воздух синий,
Над рощею зеленых пиний,
Летел я в огненную даль,
Тая и радость и печаль.

РОБИНЗОНЫ

Заблудились в пространствах галактики
Умиравшего мира скитальцы...
А над льдами прозрачными Арктики
Подымались антены, как пальцы.

Наблюдали пришельцы с волнением
Континенты зеленой планеты,
Но в умах воцарилось сомнение —
Увидали багровые светы,

Горизонт был затянут пожарами,
Грибовидные тучи — зловещи.
И тряслись небеса под ударами
Голосов безтелесных, но вещих.

Корабли повернули к созвездиям —
Этот мир для приюта не годен,
Здесь в огне опустилось возмездие,
Чтобы дух возродился свободен.

ПРОКАЗА

Внезапно язвами покрылись души.
И, словно в воздаяние грехам,
Моря отхлынули от суши
И небо раскололось попалам.

Выл бедный пес, будя в сердцах тревогу,
И жались к лесу в ужасе поля.
Спустившись с неба, вышли на дорогу
Неведомые, вздрогнула земля.

А я вдыхал фиалок запах тонкий,
Следил за жгучим солнечным лучом...
И громко пел мне жаворонок звонкий
Над тихо шепчущим ключом.

ДРАКОН

Полночь. В комнату вошел дракон.
В кресло сел уверенно и важно.
Мне сказал с усмешкою, протяжно —
«Верьте, я реальность, а не сон!

Мы встречались много лет назад,
Солнце в небе нам светило ярко,
Шар земной был молодой и жаркий,
Силою и злобою богат...»

Слышу лязг машин, их грохот, вой,
Слышу, как проходит тяжко робот...
И чудовище колючий свой
Надо мной протягивает хобот.

КЛЮЧИ

Мы часто в юности болеем ростом,
И сердце явственней в груди стучит.
Добыть нам кажется легко и просто
К счастливой жизни верные ключи.

Но кто-то снял печать на третьем небе,
И круглый диск сорвался с высоты,
И нам приказано о горьком хлебе
Заботиться без мысли и мечты.

А все же день по прежнему пригожий,
Журчит ручей и зелена трава.
Дай руку мне, мой друг, прохожий,
Пока не закружилась голова.

Смотри, смотри вокруг сместилось время,
И шар земной сорвался в пустоту,
И тяжкое в веках людское бремя
За огненную брошено черту.

СОН

Глухою, тревожною ночью
Я вышел на улицу темную.
Созвездия чуждые в небе
Казалися иероглифами.

В хитоне широком, без формы,
Скользил я по плитам мерцающим,
И тысячи братьев со мною
Спеша, проходили в молчании.

По склону горы поднимались,
Дорога была каменистая.
И, помню, взойдя на вершину,
В круг стали мы все без движения.

А кто-то, в тиаре высокой,
Вдруг вышел из круга медлительно,
Воздел к небесам побледневшим
Не руки, а крылья прозрачные.

Мы с пеньем колени склонили:
Два солнца с востока и с запада,
Взошли, ударяя лучами —
Багровыми, синими, жгучими...

КАЛЕКА

Рвет облака хрипящий тяжко бас,
Летящего на запад самолета.
О, Господи! меня ты не упас
От груза металлического гнета!

Мне утешением — зеленый цвет
Лесов, травы и моря в час разлуки,
И этот странный, предзакатный свет,
Что мне с небес протягивает руки.

Но гаснет солнце, наступает тьма.
Не мать, а мачеха земное лоно,
И жизнь не жизнь — бесстенная тюрьма,
Мы возвращаемся во время Оно.

MISTERIUM MAGNUM — ЯКОВ БЕМЕ

В плаще багровом летний вечер,
А в лавке — терпкий запах кожи,
И отзвук вдохновенной речи,
Что произнес мудрец-сапожник:

Душа, любовь и ум — едины.
Смирение, как свежий ветер.
В сердцах растают злые льдины
И мы воскреснем в новом свете.

Тела прикованы к земному,
А души жадно рвутся к Богу,
Но только человеку-гному
Так трудно отыскать дорогу!..

Бледнеет ночь. Свеча сгорает.
Заря, как нежной розы почка.
И Ангел прилетев из Рая,
Поставил в рукописи точку.

ЛЮТФАЛАХ НИШАПУРСКИЙ

Он пел. Рождалось тяжко слово.
Кругом смеялись без конца.
С насмешкою просили снова
Пропеть, как просят паяца.

Косноязычный и убогий,
Затравленный, как дикий зверь,
С тернистой не сходил дороги,
Стучал в любую тщетно дверь.

Но знал, настанет скоро время
И в мире явится поэт,
Кому неся смиренно бремя,
Готовил путь он много лет.

РОЖДЕНИЕ

Последний крик. Как больно умирать,
Переступить порог той узкой двери!
Младенец так, еще не зная мать,
Кричит, кричит — рождению не верит.

А за чертой, пред нами новый мир,
Неведомый и страшный, и прекрасный,
Как неприступный, ледяной Памир,
Как солнце Сириуса, ясный, ясный.

Пусть будет так! Я не хочу конца!
Жестокой жизни мне милее ласка,
Пусть будет так — у моего крыльца
Бегущих дней бессмысленная пляска.

Грибами зонтики чернели.
Дождь моросил колючий, злой.
У старой, захиревшей ели
В разброд пропели «упокой».

«Он солнце так любил, бедняжка!»
Чихнув, пробормотал сосед...
А гроб в сырую яму тяжко
Скользнул, оставив липкий след.

МИЗАНТРОП

1

Кто не любит солнца, тот не человек.
Кто не видит солнца — безнадежно слеп.
Но, увы, как много есть таких калек,
День для них веселый попросту нелеп.

Ставни в кабинете, не видать лица,
Копошится кто-то, книгами шурша.
Скорлупа осталась, нет давно яйца,
Охает и стонет жалкая душа.

2

Цветок, и зверь, и солнца луч...
Как можно не любить их нежно!
И моря гул всегда мятежный,
Орлиный лет с высоких кручь.

Лишь человека дрзкий путь
В наш век с природою в разладе,
И не проси «подайте ради»,
Нам детства больше не вернуть.

ГРУСТЬ

Кто мне сказал, что грусть печальна,
Что сердце «стонет от тоски»,
Что наша жизнь пуста, банальна
И от души одни куски?

Все это взор! Как раз под вечер
Грусть навестить пришла меня,
И в шаль, упрятав зябко плечи,
Со мной присела у огня.

Наш разговор был тих, приятен,
Мы пили прошлого вино,
А на полу, средь лунных пятен,
Легло квадратное окно.

А там, за ним, был сад, цикады,
И пел так нежно соловей,
Что прахом рухнули преграды
В душе оттаявшей моей.

КАРАНДАШ

Стол. На столе карандаш.
Сколько в графите печали!
Рок издевается наш,
Сколько бы мы не кричали.

Правда, не только тоска,
Есть и в графите иное —
Черствого жизни куска
Сладость, что ноет и ноет.

ГОСТЬЯ

Что слаще горечи на дне
Мной недопитого бокала?
Еще не думаю о дне,
Но ты уже в плаще предстала!

Я распахнул окно — гляди —
Заря целует душу нежно
И где-то, где-то впереди
Бормочет море безмятежно.

Постой! Дай оглянуться вновь
На все, что молодо и живо,
На эту милую любовь,
Что так чарующе тосклива.

Но нетерпением горя,
Мне гостья бросила — довольно!
И побледнела вдруг заря,
И сердце вздрогнуло так больно!

В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

— А л и с а в с т р а н е ч у д е с

Чашка кофе на столе моем.
В зеркале глумится рожа.
Я готов. С тобою мы пойдем,
На меня ведь ты похожа.

В фокусе кривом проходят дни.
В Зазеркалье вечный праздник —
Красные, бенгальские огни,
Пьяный кот — жонглер, проказник.

Время вертится, что колесо,
В нем часы на месте сердца.
Заяц, что играл со мной в серсо,
Мне распахивает дверцу.

В спешке я переступил порог,
Вижу — в пламени кулиса,
И трубит, трубит в хрустальный рог
Милая моя Алиса.

НОКТЮРН

Слова оживают, играют
В искусных руках ювелира.
Тоска по зеленому раю.
Есть птица в Австралии — лира.

Она в одеянии пышном,
И перья сверкают лучами.
Пустыня вздыхает чуть слышно
И тянется к звездам ночами.

Вот берег нам близок желанный,
У входа дракон не помеха —
Глядит он с улыбкою странной,
Глядит, задыхаясь от смеха.

МАЙ

Да, за стеною, ветер свежий,
И солнце радостного мая,
И песня жаворонка режет
Мне душу, что была немая.

Но рухнут стены у темницы,
И распахнутся настежь двери,
Войдет, смеясь (иль это мнится?),
Младенческое суеверье.

На смерть Б. П. Коронелли.

Мой друг ушел, но Ангел строгий
Мне преграждает путь мечом —
«Тебе заказаны дороги
И замкнуты врата ключом».

Я обречен менять личины,
Как вечный странник Агасфер.
Ложится тень от злой пучины,
Далекой от блаженных сфер.

О друг, хоть ты замолви слово
Пред наступающим судом,
Чтоб мог найти себя я снова
Под ярким, солнечным шатром.

ДЕТСТВО... ЮНОСТЬ...

1

Всегда, всегда невероятно жалко
Нам о былом и милом вспоминать,
И детство, как засушенная фиалка,
Закладкой будет нежною лежать.

Под вечер, перелистывая годы,
Я с мальчиком затеял разговор.
Быть может мне весенняя погода
Открыла вновь потерянный простор.

Мой собеседник мне сказал, что трудно
Путь отыскать, непройденный никем...
Но серебром сверкал его нагрудник,
И золотом горел картонный шлем!

2

Вот бурей сломанный забор
И убеленные березы.
За стеклами — сосновый бор
Сковали серебром морозы.

Шоссе в узорчатых снегах.
На ветках хлопья белой ваты,
И черный ворон в облаках
Проносится тяжеловато.

Застыло небо синим льдом
Над задремавшею сосною.
Загрезился отцовский дом
В сугробах дремой вековою.

А в детской спальне полумрак,
Лампадка теплится уныло.
Мятель забралась на чердак
И плакала, и грустно ныла.

3

На небе синяя эмаль.
Прибойный шум и берег плоский.
Проплыли дымные полоски
Над морем в голубую даль.

Над гаванью мертвящий зной,
Все опустело на припеке.
Сверкает в солнечном потоке
Один лишь крейсер белизной.

Спят корабли от мачт до дна,
Колышатся у сходней лодки,
Дрожа и морщась от щекотки,
На берег плескает вода.

4

Ты здесь была, я это знаю.
Оставила букет гвоздик.
Болтливому же попугаю
Визит не показался дик.

Он доложил в смиренной позе,
Что опрокинут был стакан,
Что на окне пунцовой розе
Плясали камары канкан,

Что ты оставила записку,
Которую потом взяла...
Но я его не слушал писка
И думал лишь, что ты ушла.

5

Устало затихает гром
Ночных авто и экипажей,
И месяц проблистал ребром
На небе выпачканном сажей.

Мы встретились с тобой вдвоем.
Облокотившись на перила
И, глядя в темный водоем,
Ты мне о чем-то говорила.

Невольно вдруг умолкла ты,
Кусая судорожно губы,
И бросила мои цветы
Под смятые туманом трубы.

ОВЦЫ

Пасутся мирно облака
На сníем пастбище без края.
Лучами яркими играя,
Блюдет их пастыря рука.

И грез грядущих водоем
Овечек белых поит щедро,
В тени развесистого кедра
Сидим с тобою мы вдвоем.

Соткут из шерсти облаков
Нам светлые одежды, знаем,
И солнечным, веселым маем
Пройдем мы по дороге снов.

ССОРА

Дождь прошел и вдоль дорожки
Распустились вновь цветы.
Свежий гриб на тонкой ножке
Выскочил из пустоты.

В доме после шумной ссоры
Водворилась тишина.
Но грибок посеял споры,
Затуманилась луна.

Долго ль, скоро ль, загрохочет
Снова летняя гроза.
Ветер шалый захохочет,
По щеке сползет слеза.

Но зачем себя калечить? —
Буря летом коротка!
С ласкою согнутся плечи
У дрожащего цветка.

УТРО

Как славно пахнет свежий хлеб!
Дымится кофе в чашке тонкой,
А день, так празднично нелеп,
Поет в окне по детски, звонко.

Застыл над розой мотылек,
На крыльях радуга играет...
Кто мне сказал, что Бог далек,
И на земле нет места раю?

ОСЕНЬ

Весенний день шелками вышит.
Лес задремал в червонном сне,
А солнце подымаясь выше,
Поет о новом, тихом дне.

Часы пробили гулко восемь.
Налит в стакан янтарный чай.
Вот и меня коснулась осень,
Как бы украдкой, невзначай.

Все позади, но сердце то же —
Стучит неугомонно вновь,
Но ты глядишь все строже, строже
Моя последняя любовь.

НЕМНОГО

Я не мудрец, но мне теперь довольно
Весны, цветов и аромата хлеба,
В окно взглянуть рассеяно, невольно
И видеть в зареве багровом небо.

В старинной книге веточка мимозы
Мне шепчет о давно забытом счастье,
И я гляжу на куст осенней розы,
И тру слегка болящее запястье.

Но дни, как птицы, длинной вереницей
Проносятся. Куда? Остановитесь!
Как пахнут маем желтые страницы,
И в небе солнце, как в доспехах витязь...

КОВЕР

Узор бессмысленный ковра,
Далекого Мазандерана.
Он сердцу говорит — пора,
Твоя зарубцевалась рана.

Какой неведомый артист
Орнамент выводил на ткани?
На белой ветке — синий лист,
Цветок в причудливом стакане.

А краски — их не перечесть,
Сплелись в нелепом хороводе,
Но их магическая весть
Вакхической подобна оде.

Нельзя, не нужно понимать!
Так птица распевает звонко,
Так смех бессмысленный ребенка
Восторгом наполняет мать.

ОСТРОВ САН-ЛУИ — ПАРИЖ

Семнадцатого века здесь печать.
Дождь моросит. Октябрь так тяжко дышит.
Могу ли повесть о былом начать,
О том, что шепчут мне седые крыши?

Ворота широко раскрылись вдруг,
Несут на встречу в паланкине даму.
И час в магический замкнулся круг,
Предчувствую таинственную драму.

Мелькает в плащ закутанная тень,
Скользит беззвучно в узкий переулок.
За серой Сеной догарает день.
Идет дозор, и шаг суров и гулок...

Друзья в таверне ждут меня давно,
В беседе провести приятно ужин.
В бокалы льется красное вино,
А призрак прошлого забыт... не нужен!

НА ЗАРЕ

Сквозь приспущенные ставни
Яркий луч скользнул в кровать
И, как друг, веселый, давний,
Прошептал — пора вставать!

На балконе все готово:
Солнце, чай, янтарный мед...
И в руках держу я снова
Темносиний переплет.

Книга говорит о рае.
Неумолчен птичий гам.
Сердце странно замирает,
Внемля Господа шагам.

СОДЕРЖАНИЕ

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Осмеянный пророк — критич. этюд о Гоголе — "Русская Идея", Мюнхен, 1952 г.

Сонеты — первая книга стихов. — Форнароли, Милан, 1955 г.

Синий Вечер — вторая книга стихов. — Изд. автора. 1956 г.

Imprimerie BÉRESNIAK

18, Faubourg du Temple

PARIS-11e